

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12042

EDN: DNMPAF

Реализм Достоевского: продолжение спора

О. И. Сыромятников

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
(г. Пермь, Российская Федерация)*

e-mail: pani_perm@list.ru

Аннотация. Целью работы стало определение связи творчества Ф. М. Достоевского с явлением, обозначаемым в современной науке о литературе терминами «духовный реализм», «христианский реализм», «религиозный реализм», «символический реализм» и т. д. Известно, что писатель работал в жанре реализма, он сам называл себя реалистом, и в его сочинениях нетрудно заметить черты социального, психологического, философского и даже политического реализма. Но при этом в них всегда оставалось что-то еще более значимое и придающее творчеству писателя уникальное своеобразие. Многие современные исследователи полагают, что основы этого явления лежат в общекультурной европейской христианской традиции. Автор статьи, изучив различные исследовательские подходы методом сравнительного анализа, пришел к выводу, что наиболее точным термином, обозначающим особенности художественного метода Достоевского, является «православный реализм». Сам писатель называл свой метод «полным реализмом», а себя — «реалистом в высшем смысле», категорически отвергая имя писателя-психолога. Это обстоятельство не раз привлекало внимание исследователей. В ходе изучения их точек зрения, а также анализа воззрений самого Достоевского на цели и задачи художественного творчества автор статьи заключил, что в основе реализма «в высшем смысле» лежит принцип превращения православного взгляда на мир в художественную образность. Многие черты этого принципа можно заметить во всей русской литературе, но именно Достоевский собрал их воедино, развил и укрепил все наиболее продуктивное, отсеял случайное и неудачное и создал православный реализм как полноценный художественный метод. На основании его были написаны романы 1866–1890-х гг., а также «Дневник Писателя».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, русская литература, Бог, Христос, христианство, православие, духовный реализм, христианский реализм, православный реализм, фидеистика

Для цитирования: Сыромятников О. И. Реализм Достоевского: продолжение спора // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 1. С. 140–161. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12042. EDN: DNMPAF

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12042

EDN: DNMPAF

Dostoevsky's Realism: Continuation of the Dispute

Oleg I. Syromiatnikov

*Perm State National Research University
(Perm, Russian Federation)*

e-mail: pani_perm@list.ru

Abstract. The aim of the article is to determine the connection between F. M. Dostoevsky's creative work with the phenomenon denoted in the modern literary studies by the terms of "spiritual realism," "Christian realism," "religious realism," "symbolic realism," etc. The writer worked in the genre of realism, he called himself a realist, and it is easy to notice the features of social, psychological, philosophical and even political realism in his works. However, at the same time, there was always something else in them that was more significant and added unique originality to the writer's works. Many modern researchers believe that the foundations of this phenomenon lie in the common cultural European Christian tradition. Having studied various research approaches with the method of comparative analysis, author of the article comes to the conclusion that the most accurate term denoting the features of Dostoevsky's artistic method is "Orthodox realism." The writer himself called his method "complete realism," "realism in the highest sense," absolutely rejecting the label of a writer-psychologist. This circumstance has attracted the attention of researchers more than once. While studying their points of view and analyzing Dostoevsky's own views on the goals and objectives of artistic creativity, the author of the article concludes that "realism in the highest sense" is based on the principle of transforming the Orthodox view of the world into artistic imagery. Many features of this principle can be seen throughout Russian literature, but it was Dostoevsky who brought those features together, developed and strengthened the most productive of them, removed certain incidental and unsuccessful ones and created Orthodox realism as a full-fledged artistic method. Based on it, the novels of 1866–1890s and "The Writer's Diary" were written.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Russian Literature, God, Christ, Christianity, Orthodoxy, spiritual Realism, Christian Realism, Orthodox Realism, fideistics

For citation: Syromiatnikov O. I. Dostoevsky's Realism: Continuation of the Dispute. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 140–161. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12042. EDN: DNMPAF (In Russ.)

Необходимость обращения к проблеме, о которой уже сказано довольно много, вызвана желанием дезавуировать двоякую, но в равной степени порочную тенденцию интерпретации творчества Ф. М. Достоевского. С одной стороны, в читательской среде по-прежнему бытует точка зрения, согласно которой писатель был хорошим художником (прежде всего — социальным и психологическим), но плохим философом, запутавшимся в богоискательстве¹. С другой стороны, религиозное мировоззрение Достоевского признается, но объявляется не соответствующим (или не вполне соответствующим) учению Православной Церкви². Католики, протестанты и атеисты³ пытаются ангажировать Достоевского, сделать его «своим». О причинах этого явления (применительно к Д. С. Мережковскому) хорошо сказал преподобный Иустин (Попович): «Из желания свою религию опереть на Достоевского, свое "христианство" оправдать Достоевским, он пытался пересоздать религию Достоевского по образу и подобию своей религии, своего "религиозного сознания"» [Иустин, 2007: 311].

Для обозначения феномена творчества Достоевского на протяжении длительного времени используются словосочетания «духовный реализм», «христианский реализм», «символический реализм» и т. п., вследствие чего создается впечатление, что они обозначают одно и то же. Однако, замечает В. Е. Ветловская, «когда термины начинают удваиваться <...>, когда они теряют определенность содержательных границ и объема, они теряют вместе с тем и познавательный смысл. <...> Когда это происходит, это значит, что литературная теория <...> зашла в тупик» [Ветловская: 23].

Авторство понятия «реализм» приписывается П. В. Анненкову, заявившему в январе 1849 г.: «Появление *реализма* в нашей

¹ Позиция, казуистически виртуозно сформулированная А. В. Луначарским в работе «Достоевский как художник и мыслитель» (1921), хотя нечто подобное говорили до него Л. И. Шестов, Д. С. Мережковский и др.

² Начало этой точке зрения было положено К. Н. Леонтьевым («О всемирной любви...», 1880), а в наши дни ее с завидным упорством отстаивает Т. А. Касаткина [Касаткина].

³ На наш взгляд, атеизм является одной из форм фидеического (религиозного) сознания, поскольку он исходит из недоказуемого постулата, который требует принять на веру: «Бога нет!».

литературе произвело сильное недоразумение, которое уже пора объяснить»⁴. Полагаем, критик лишь легитимизировал явление, которое уже жило в общественном сознании, потому что еще двумя годами ранее И. С. Тургенев сообщал В. Г. Белинскому:

«Затеял я тоже статью под названием "Славянофильство и Реализм" — может быть, хорошо выйдет»⁵.

Именно Белинскому, по словам В. Н. Захарова, принадлежит «исчерпывающее определение нового творческого метода: *верное воспроизведение действительности*» [Захаров, 2001: 7]. Однако, замечает исследователь, «весь вопрос заключается в том, как понимать принцип адекватности искусства действительности» [Захаров, 2001: 7], то есть что считать критерием его «верности», правильности — ведь представления о «верности», «действительности», «социальности», «психологизме» и прочих критериях реализма в разных мировоззренческих системах — разные. Сам исследователь отвечает на свой вопрос апофатически: «Принцип адекватности не есть мимесис, не есть правда (в том числе художественная правда, обязательная в любом произведении искусства), не есть правдоподобие, не формы самой жизни (в искусстве есть только форма искусства), не жизнь "как она есть", не типизация, не типические характеры в типических обстоятельствах и прочие общие места советского литературоведения. Воспроизведение не есть воссоздание» [Захаров, 2008: 322].

Подобного рода ответы являются ответами лишь отчасти. Возможно, так ответил бы и Белинский — именно поэтому он говорил о «верности», то есть субъективном отношении (вере) к действительности. Для самого критика таким критерием нередко было соответствие изображаемого его собственным представлениям о «верном». Следствием этого стала и брань в адрес Н. В. Гоголя, и желание отправить русскую литературу (а за ней — и все русское искусство) на борьбу с православием,

⁴ Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. СПб., 1879. Т. 2. С. 31. См. также: [Захаров, 2001: 5].

⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1982. Т. 1: Письма, 1831–1849. С. 231.

самодержавием и народностью⁶. В свою очередь, для автора «Мертвых душ» таким критерием было соответствие изображаемого духу православия.

В. Н. Захаров утверждает, что «искусство не воссоздает, не отражает, а творит художественный мир. Цель творчества — создание, сотворение этого небывалого мира, а не "воссоздание" его (нельзя воссоздать то, что не было ранее, еще не было создано)» [Захаров, 2008: 324]. Полагаем, что художественный мир творит все же не искусство, а конкретный художник — со своим отношением и к действительности, и к искусству. И творит его не из чего (так творит только Бог), а из собственной души, откликающейся на импульсы внешнего мира. В конечном итоге писатель воплощает в слове свой собственный мир, но материал он берет не в себе, а во внешнем мире, который воспринимает и отражает своим мировоззрением. Естественно, что его представления о мире могут со временем измениться, и оценивать произведения, созданные писателем в разные периоды его жизни, необходимо с учетом этих изменений.

Предметом духовного реализма является описание взаимодействия духовного мира человека с внешним духовным миром, к которому фидеическое сознание относит Бога (богов), ангелов (духов) и души умерших людей. Человек может взаимодействовать с ними благодаря духовной сфере своей личности, и если впоследствии он опишет это взаимодействие, максимально точно изобразив увиденное, то возникнет произведение *духовного реализма*. Бесчисленные описания духовной реальности, сделанные художниками разных эпох и народов, с одной стороны, дают необходимый материал для выработки достоверного представления о ней, а с другой — говорят о том, что познание духовного мира во всей полноте невозможно. Следовательно, и полученное таким образом знание не может быть выражено во всей полноте по причине особенностей человеческой речи, возникшей из необходимости описания прежде всего материальных и, в меньшей степени, душевных

⁶ См. письмо Гоголю от 15 июля 1847 г. (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. С. 217–218).

(психологических) процессов и явлений. Об этом ярко сказал апостол Павел:

«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (*только* не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:2–4).

При всякой попытке описания духовной реальности, говорил В. А. Жуковский, «является перед нами во всей своей наготе бедный язык человека, который те же слова, какими выражается наша ничтожность, употребляет для выражения неизглаголанности Божией»⁷. По этой причине писатель, желающий изобразить внешний духовный мир, вынужден использовать ресурсы литературного языка в особом, символическом значении. В результате некоторые предметы и явления обычного мира, а также чувства и мысли героев становятся «точками входа» в описываемый духовный мир, а их совокупность образует духовно-символическое пространство произведения.

Духовный мир остается неизменным на протяжении всей человеческой истории, поскольку существует в вечности, а не во времени. Для его описания античный политеизм, средневековый монотеизм и мистицизм Нового времени использовали, по сути, одни и те же художественные средства, адаптируя их к особенностям восприятия людей каждой эпохи и культуры, поэтому можно утверждать, что духовный реализм — как художественный метод — был всегда. И. Б. Аванесян полагает, что в европейской культуре он достиг наивысшего развития в Средние века, так как «в этот период <...> важнейшей художественной задачей являлась разработка темы преображения человеческой души и духовного восхождения к Богу. Такой метод постижения человека и действительности в средневековом искусстве получил название "христианский реализм", "духовный реализм". Заметим, что понятийным ядром этих терминов является именно реализм» [Аванесян: 13]. На наш взгляд, это совершенно естественно, потому что христианство относится

⁷ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: ЯСК, 2016. Т. 11 (первый полутом). С. 375.

к духовному миру как к объективной реальности и старается представить его в гармоничном единстве с видимым, материальным миром. Очевидно и то, что достоверно и полно духовно-материальный континуум может быть описан только реалистичным искусством.

Обратим внимание на то, что Аванесян использует понятия «христианский реализм» и «духовный реализм» как синонимы, однако если «христианский реализм» — всегда духовный, то «духовный реализм» — далеко не всегда христианский, потому что духовный мир является предметом изображения не только христианского искусства. Эту ошибку допускают и другие исследователи, например, А. П. Черников понимает под духовным реализмом «цельное православное мировоззрение <...> устремленность его (писателя) творчества к Абсолюту» [Черников: 316]; А. А. Алексеев называет духовным реализмом изображение процесса «возрождения человека на путях веры и христианской любви», ориентацию на Царство Небесное [Алексеев: 22]; А. М. Любомудров определяет духовный реализм как *«художественное освоение духовной реальности, т. е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека»* [Любомудров: 38], и т. д. Поэтому следует согласиться с замечанием И. А. Есаулова о том, что термин «духовный реализм» «представляется не вполне удачным для обозначения особенностей видения мира русскими писателями. Это понятие грешит некоторой внутренней неопределенностью: какая именно "духовность" имеется в виду? <...> Нынешние сторонники понятия "духовный реализм" могут заявить, что они имеют в виду как раз религиозный аспект этого понятия» [Есаулов: 9], но в этом случае необходимо пояснить, о какой именно религии идет речь, так как каждая религия представляет духовный мир по-своему. Для преодоления противоречия целесообразно введение промежуточного звена между «духовным» и «христианским» реализмом. Им может стать «религиозный реализм» — описание духовного мира с позиции той или иной религии.

Есаулов предлагает принять термин «христианский реализм», предложенный В. Н. Захаровым⁸, однако замечает, что «христианский социум — и сама христианская картина мира — неоднородны. Вполне обоснованно можно выделять различные ярусы этого социума». Исследователь считает, что между ними нет твердых границ: «...вполне отдавая отчет в этой неоднородности, следует заметить, что ценностные ориентации архиерея и кузнеца Вакулы в "Ночи перед Рождеством" вряд ли кардинально различны в качестве "официальной" и "народной": они могут быть поняты не в контекстах "двух культур", но в контексте единой христианской культуры» [Есаулов: 17]. К сожалению, в данном утверждении игнорируется тот факт, что единой христианской культуры не существует, как минимум, тысячу лет. Между различными христианскими конфессиями (православием, католичеством и протестантизмом) существуют принципиальные различия, углубляющиеся и расширяющиеся с каждым годом, поэтому тезис Есаулова можно принять при условии, что кузнец и архиерей будут принадлежать к одному христианскому исповеданию. В этом случае их формальный статус действительно не имеет значения, и они будут общаться между собой как единоверцы. Однако этого не произойдет, если тот же Вакула встретится с униатским или католическим епископом, — хотя бы потому, что сам Гоголь вообще не считал униатов христианами, а католиков называл «недоверками»⁹.

В свою очередь и католицизм никогда не признавал христианством православие, о чем откровенно высказался идейный вдохновитель Крымской войны 1853–1855 гг. архиепископ Парижский Сибур: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги,

⁸ «Христианский реализм — это реализм, в котором *жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова*» [Захаров, 2001: 16].

⁹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. / гл. ред. Н. Л. Мещеряков; АН СССР, Ин-т литературы (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 2. С. 133. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Гоголь* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь <...> укротить, сокрушить ее. Такова признанная цель этого нового крестового похода, и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом» (цит. по: [Сараскина, 2007: 106]). В свою очередь каждый протестант на основании фундаментального вероучительного принципа *sola fide* считает себя самым истинно исповедующим Христа христианином.

В силу объективных различий между христианскими конфессиями принадлежащие к ним писатели, говоря об одной и той же проблеме, видят ее решение по-разному и создают на основе общего культурного материала глубоко различные (а иногда и антагонистичные) по идейному содержанию произведения. Следовательно, есть все основания говорить о необходимости дифференциации христианского реализма на *православный, католический и протестантский*, что даст возможность максимально полно и всесторонне раскрыть духовное (религиозное) содержание произведений, созданных представителями каждой из этих конфессий. Необходимо подчеркнуть — это разделение имеет методологический характер, потому что христианством в полном смысле этого слова может называться только православие. Оно сохранило прямую и неразрывную связь с первоначальным учением Христа, Его апостолов и святых отцов, которое было отвергнуто сначала католицизмом, а затем и протестантизмом.

Отдельные следы подлинного христианства можно найти в творчестве У. Шекспира, М. Сервантеса, В. Гюго и некоторых других европейских писателей. Однако в целом, как говорил Достоевский словами своего персонажа, Европа — «кладбище <...> Дорогие там лежат покойники...»¹⁰. И хотя, уверен писатель, в Европе XIX в. христианства уже нет, но все же она «сделала много христианского <...>. Еще бы, не сейчас же там умерло христианство, умирало долго, оставило следы. Да там и теперь есть христиане, но зато страшно много извращенного понимания христианства» (Д30; т. 27: 57). Своевольный уход

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 210. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

западных епископов из лона единой Христианской Церкви, начавшийся после VII Вселенского собора, во времена Достоевского стал свершившимся фактом, что позволило ему нередко употреблять понятия «христианство» и «православие» как синонимы.

К. А. Степанян «берет на себя смелость» определять христианский реализм как «всецелую верность изображенного» духовного мира «христианскому учению». И тут же спрашивает: «Возможно ли это?» [Степанян: 9]. При таком определении — разумеется, нет, потому что ни один *честный* писатель не сможет сказать, что он «всецело верно» изобразил мир в соответствии с христианским (или каким-либо другим) учением. Полагаем, степень такого соответствия определяется религиозной компетентностью писателя, развитостью его веры и таланта, а также многими другими объективными и субъективными факторами. Об этом говорит и сам Степанян, замечая, «что в творчестве одного писателя-христианина его мировоззрение может почти не найти выражения, в творчестве другого — обуславливать только идеологическую, моральную его составляющую, у третьего — как у позднего Достоевского — определять всю художественную картину мира» [Степанян: 9]. Заметим, что исследователь разделяет творчество писателя как минимум на два периода: «ранний» и «поздний», — в рамках широко распространенной традиции проводя границу между ними по 1849 г. В. Н. Захаров категорически не согласен с таким подходом: «Христианским пафосом пронизаны все произведения писателя, и "ранние" и "поздние"» [Захаров, 2008: 325]. Принимая в целом его суждение, считаем нужным заметить, что сам «пафос» в разные годы жизни Достоевского был разным, поскольку определялся его движущимся, изменяющимся христианским мировоззрением. Общественная среда, в которой молодой писатель оказался благодаря силе и яркости своего таланта, отнюдь не способствовала укреплению и развитию религиозных убеждений, скорее наоборот — началась их постепенная инверсия, грозившая страшной катастрофой. Поэтому Достоевский воспринял арест и последующее заключение как промыслительное действие воли Божией:

«...мне тогда судьба помогла, меня спасла каторга... совсем новым человеком сделался... <...> Я только там и жил здоровой, счастливой жизнью, я там себя понял <...>, Христа понял... русского человека понял и почувствовал, что и я сам русский, что я один из русского народа» [Соловьев: 212].

По словам В. Н. Захарова, «Достоевский был первым, кто в своем творчестве *сознательно* поднялся до высот христианского реализма, назвав его "реализмом в высшем смысле"» (курсив наш. — О. С.) [Захаров, 2001: 16]. Речь идет о записи, сделанной писателем незадолго до смерти и выразившей главную цель его творчества:

«При полном реализме найти в человеке человека. <...> Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (ДЗ0; т. 27: 65).

Очевидно, что каждое сказанное человеком слово нужно воспринимать в системе его мировоззренческих координат. Достоевский был православным человеком, на протяжении всей жизни он изучал Священное Писание и труды святых отцов, а потому, несомненно, знал, что православие понимает под *человеком* разумное и свободное существо, одновременно и постоянно пребывающее в духовно-материальном континууме. Человеческая личность образована единством «внешнего» и «внутреннего человека», где под «внешним человеком» понимается его тело, «земная жизнь <...> или все то, что дает земная жизнь и в чем состоит она», а **«внутренний человек есть дух его**, и жизнь по духу, состояние возрождения и стремление к соединению со Христом» [Иванов: 667]. В естественной трихотомии¹¹ человека дух занимает главенствующее положение, определяющее состояние интеллектуальной, волевой, эмоциональной и телесной сфер личности. Православный писатель через эти «оболочки» идет вглубь, к «внутреннему» человеку, исследуя духовно-душевно-телесное единство человека в неразрывной связи с материально-духовным единством окружающего мира.

¹¹ См.: Иуд. 19; 1 Кор. 2:14–15; 1 Фес. 5:23; Евр. 4:12 и др.

Это и есть «полный реализм», о котором говорил Достоевский. По его словам, «это русская черта по преимуществу <...>, ибо направление <...> истекает из глубины христианского духа народного...» (ДЗ0; т. 27: 65). Используя слова «христианский» и «православный» в одном значении, писатель утверждает:

«Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие все» (ДЗ0; т. 27: 64).

Следовательно, под «реализмом в высшем смысле» нужно понимать «православный реализм» — художественный метод, позволяющий изображать взаимодействие духовного мира человека с внешним духовным миром в свете православного мировоззрения.

Полагаем, впервые — и именно в отношении к Достоевскому — термин «православный реализм» употребил преподобный Иустин (Попович): «Пламенный пророческий идеализм Достоевский своим апостольством претворил в православный реализм», который есть «не что иное, как богочеловеческий реализм, то есть благодатное и органичное соединение Божьего и человеческого, небесного и земного» [Иустин, 2005: 186, 177]. На эту особенность творчества Достоевского указывал и Н. А. Бердяев: «Сквозь внешнюю фабулу, напоминающую неправдоподобные уголовные романы, просвечивает иная реальность. Не реальность эмпирического, внешнего быта, жизненного уклада <...>. Реальна у него духовная глубина человека, реальна судьба человеческого духа. Реально отношение человека и Бога, человека и дьявола...» [Бердяев: 16–17].

Осмысляя феномен православного реализма, современный исследователь пишет: «Творчество в православии — это всегда попытка нарисовать и постигнуть созданный Богом мир. Самая важная и самая интересная для писателя тема — тема спасения человеком своей души. Это и следует назвать православным реализмом — художественным методом, совмещающим познание мира и спасение собственной души. Этим художественным методом и пользовались, порою сами того не сознавая, гениальные русские писатели, в этом методе и достигало их творчество наиболее полного и яркого

результата. <...> То, что мы называем православным реализмом, существовало в русской литературе на протяжении всего миновавшего тысячелетия...» [Коняев]. Действительно, уже в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского (XI в.) появляются художественные образы, символизирующие идею единства и различия духовных эпох Ветхого и Нового Завета — «рабыня Агарь и свободная Сарра» [Иларион: 29]. Там же, в первой части «Слова...», владыка Иларион в поэтической форме излагает основные положения православной христологии, сформулированные IV Вселенским собором.

На протяжении многих веков русская литература была православной по содержанию, перелагая Откровение на язык художественной образности и уча русских людей тому, что значит быть христианами в реальной жизни. Лишь в конце XVI в. на Руси появилась так называемая «светская литература», но ее объем не был значителен, и православный реализм оставался магистральным направлением русской литературы, продолжая развиваться в направлении поиска новых художественных форм выражения идей и образов православия.

В Новое время основные принципы православного реализма (тео- и христоцентричность, соборность, умиление, пасхальность, связь со Священным Писанием и Преданием и др.) нашли свое выражение в сочинениях литераторов последней трети XVIII в., но с наибольшей силой и яркостью они воплотились в творчестве А. С. Пушкина, вернувшего русскую литературу на путь пророческого служения: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли...» («Пророк», 1826), «Веленью Божию, о муза, будь послушна...» («Памятник», 1836) и т. д. По словам В. Н. Захарова, именно Пушкина «сам Достоевский считал своим учителем на этом пути <...> и был особенно благодарен ему за уроки прозы в "Повестях покойного Ивана Петровича Белкина"» [Захаров, 2001: 16]. Действительно, писатель прекрасно знал и глубоко понимал творчество Пушкина, о чем говорят многочисленные цитаты, разборы отдельных сочинений поэта и целостный анализ его творчества, сделанный в «Пушкинской речи» (1880). Завершая ее, Достоевский сказал:

«Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» (*ДЗ*; т. 26: 149).

Полагаем, писателю удалось понять главное — целью Пушкина было осмысление фундаментальных духовных законов, управляющих судьбами людей, народов и всего человечества.

Неоценимый вклад в формирование православного реализма был сделан Н. В. Гоголем, поставившим перед русской литературой ясную цель:

«Развлеченный миллионами блестящих предметов, раскидывающих мысли на все стороны, свет не в силах встретиться прямо со Христом. Ему далеко до небесных истин христианства. Он их испугается, как мрачного монастыря, если не подставишь ему незримые ступени к христианству, если не возведешь его на некоторое высшее место, откуда ему станет видней весь необъятный кругозор христианства и понятней то же самое, что прежде было вовсе недоступно. Есть много среди света такого, которое для всех, отдалившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству» (*Гоголь*; т. 8: 269).

Как замечает Л. И. Сараскина, опыт Гоголя имел огромное значение для Достоевского, который, «осуществляя религиозную проповедь через искусство <...>, исправил ошибку Гоголя, отказавшегося от искусства, так как понял, что защиту христианства он, Достоевский, должен вести наиболее доступным ему путем. Поэтому художественное творчество стало для него одной из форм религиозной жизни...» [Сараскина, 2016: 41]. Это была обычная жизнь обычного русского человека: исполнение заповедей Божиих, молитва, участие в богослужениях и таинствах, чтение Священного Писания и святоотеческой литературы. Так жили многие русские писатели и до Достоевского, и после. Следуя законам реализма, они изображали духовно-материальное единство мира таким, каким видели его через призму своей веры, неукоснительно следуя важнейшему творческому принципу, о котором говорил Д. С. Лихачев: русская литература «рассказывает или, по крайней мере, стремится рассказать не о придуманном, а о реальном. <...> Открытый вымысел не допускался» [Лихачев: 8]. Твердое следование русского писателя принципу честности изложения основывалось

на убеждении в том, что правда — основа жизни православного человека, помнящего слова Христа о том, что дьявол есть «лжец и отец лжи» (Ин. 8:44).

Полагаем, что главным критерием реалистического искусства следует считать *честность* — сознательное стремление художника изобразить действительность такой, какой он ее видит, а не такой, какой бы он хотел ее видеть. Это не означает, что художник делает копию реального мира, это значит, что он воспринимает этот мир через призму своего мировоззрения и уже затем переносит это восприятие в создаваемую им художественную реальность. При этом, если способы и методы рационального познания одинаковы для всех людей (разумеется, с учетом индивидуальных особенностей), то формы фидеического сознания, познания и знания могут значительно различаться в силу разности предметов веры людей. Ими может быть все, что угодно: какой-либо материальный объект, явление природы, другой человек, абстрактная философская идея, Бог, боги и т. д. Вера придает этим предметам особое значение и превращает их в элементы аксиологического сознания, которое служит «оптикой» для восприятия человеком окружающего мира. Поэтому адепты разных религиозных и фидеических систем, глядя на один и тот же предмет, *видят* его одинаково, но *воспринимают* по-разному и по-разному описывают средствами одного и того же языка.

Основными вопросами русской православной литературы с момента ее возникновения являются вопросы о том, почему человек нарушает богоустановленный закон и что ему нужно сделать, чтобы вернуться к нормальной жизни. Православные писатели отвечали на эти вопросы в соответствии со своей верой. В 1870 г. Достоевский сообщал А. Н. Майкову о новом замысле:

«Это будет мой последний роман. Объемом в "Войну и мир" <...>. Этот роман будет состоять из пяти больших повестей (листов 15 в каждой; в 2 года план у меня весь созрел). Повести совершенно отделены одна от другой <...> (Общее название романа есть: "Житие великого грешника", но каждая повесть будет носить название отдельно.) Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие» (ДЗ0; т. 29;: 117).

Задуманному не суждено было осуществиться, но еще прежде писатель начал отвечать на эти вопросы. Так, в «Преступлении и наказании» описано действие духовного закона, обозначенного шестой заповедью Декалога¹². В строгом соответствии с амартологией¹³ Достоевский показал, почему Раскольников преступил Божий и человеческий закон, а затем в столь же строгом соответствии с сотериологией¹⁴ рассказал об условиях и обстоятельствах его воскресения к новой жизни. Роман увидел свет в 1866 г., и с тех пор ни один авторитетный и образованный деятель Православной Церкви не нашел в словах писателя никаких расхождений с православием. Напротив, полное соответствие сказанного им учению Христа позволило преподобному Иустину (Поповичу) назвать Достоевского «великим, бесстрашным православным апостолом, пророком, философом и поэтом» [Иустин, 2007: 311].

В. Н. Захаров прав, когда утверждает, что «не Достоевский открыл этот эстетический принцип. Он явлен в Евангелии» [Захаров, 2001: 10]. Но именно в творчестве Достоевского православный реализм достиг своего наивысшего развития, став замечательным средством изображения духовно-материального единства мира ресурсами литературного языка. По этому поводу С. И. Фудель сказал: «Христианство Достоевского в искусстве — это не речи проповедника. Это почти не определяемая локально, но всегда ясно ощущаемая точка зрения на мир, какой-то луч света» [Фудель: 111]. Свет Христовой истины пронизывает каждое слово православного писателя и воплощается в главной идее его творчества. Говоря об ее содержании, архиепископ Антоний (Храповицкий) заметил, что Достоевский «все время писал об одном и том же. <...> Та объединяющая все его произведения идея, которую многие тщетно ищут, была не патриотизм, не славянофильство,

¹² Не убивай (Исх. 20:13).

¹³ От греч. ἀμαρτία — промах, ошибка, грех и λόγος — слово. Учение о грехе и его последствиях. Одним из последствий греха становится *апостасия* (от греч. ἀποστασία — отступничество, измена, мятеж. Богоотступничество). Именно так Соня определяет причину происшедшего с Раскольниковым: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» (ДЗ0; т. 6: 321).

¹⁴ От греч. σωτηρία — спасение и λόγος — учение. Учение о спасении.

даже не религия, понимаемая как собрание догматов, эта идея была из жизни внутренней, душевной, личной; она была не посылкой, не тенденцией, но просто центральной **темой** его повести, она есть живая, близкая всякому, его собственная действительность. **Возрождение** — вот о чем писал Достоевский во всех своих повестях: покаяние и возрождение, грехопадение и исправление, а если нет, то ожесточенное самоубийство; только около этих настроений вращается вся жизнь всех его героев, и лишь с этой точки зрения интересуется сам автор различными богословскими и социальными вопросами...» [Антоний: 254–255].

Действительно, в каждом романе Достоевского есть персонажи, совершающие преступление сначала Божьего, а затем и человеческого закона. Некоторые из них впоследствии находят путь к новой жизни (Раскольников и Соня, Степан Трофимович и Шатов, Версиков и его сын, Алексей и Дмитрий Карамазовы и др.), а другие гибнут физически или духовно (Свидригайлов, Кириллов и Ставрогин, Крафт и Ламберт, старик Карамазов и Смердяков и т. д.). Тема богоотступничества является внешней идеей всех романов писателя. Однако Достоевский не только исследует причины грехопадения, но обязательно указывает человеку путь ко спасению. Это придает его творчеству неповторимое своеобразие и отличает его от других писателей-реалистов, нередко только ставящих вопросы, но не отвечающих на них.

Уже в начале XIX в. церковнославянский язык, служивший в русской культуре основным средством описания духовного мира, воспринимался образованным обществом как нечто архаичное и узко сословное. Главной причиной этого была стремительно развивавшаяся деструкция религиозного сознания (апостасия), о которой в начале 1860-х гг. с тревогой говорил святитель Игнатий (Брянчанинов):

«Дух времени таков и отступление от Православно-христианской веры начало распространяться так сильно, безнравственность так всеобща и так укоренилась, что *возвращение к христианству* представляется невозможным» (курсив наш. — О. С.) [Игнатий].

Именно в это время Достоевскому удалось осмыслить многовековой опыт европейской христианской культуры, обогатить его

открытиями Пушкина и Гоголя и придать православному реализму совершенные формы.

Впоследствии традиции православного реализма продолжали А. К. Толстой, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев. Отдельные аспекты сотерии и апостасии нашли художественное воплощение в творчестве И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, П. И. Мельникова-Печерского, А. Н. Островского, Н. Г. Помяловского, А. П. Чехова, Г. И. Успенского и др. Сложные метаморфозы православный реализм претерпел в творчестве литераторов Серебряного века и соцреализма. Фидеический анализ литературы этого времени должен стать целью специального исследования, заметим лишь, что и в творчестве советских писателей середины XX в. (М. М. Пришвина, В. П. Астафьева, В. Г. Распутина и др.) можно найти черты православного реализма¹⁵.

В завершение скажем, что на протяжении всей своей истории различные религиозные и фидеические системы использовали для описания предметов и явлений духовного мира одни и те же языковые средства. Однако вследствие особенностей догматики, аксиологии и гносеологии они вкладывали в одинаковые термины и понятия разное содержание.

По словам В. Н. Захарова, «от того, как мы назовем явление, зависит и его понимание. . .» [Захаров, 2005: 7]. Русская литература (и культура в целом) создана православием, и православный реализм является ее онтологической, гносеологической и художественной основой. Разделение христианских конфессий осуществляется не по субъективным основаниям (нравится — не нравится), а по сложнейшим догматическим принципам, формирующим особенности мировосприятия и мироотражения. Подобное маркирование потоков единой христианской литературы имеет важное методологическое значение — оно позволяет полнее исследовать содержание каждого из них, увидеть их общие и отличительные черты.

Список литературы

1. Аванесян И. Б. Проблемы изучения духовного реализма как художественного метода в современном литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (20). С. 13–15 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2013/2/1.html> (05.11.2022).

2. Алексеев А. А. Проблема духовного реализма в русской классической литературе XIX века // Дергачевские чтения — 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: мат-лы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 22–24.
3. Антоний (Храповицкий), архиеп. Избранные труды. Письма. Материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. 1056 с.
4. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001. 173 с.
5. Ветловская В. Е. Анализ эпического произведения: проблемы поэтики. СПб.: Наука, 2002. 213 с.
6. Есаулов И. А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности: словесность, история, культура: мат-лы Междунар. науч. конф. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 9–19.
7. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (05.11.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511
8. Захаров В. Н. Ответ по существу // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 7. С. 5–16 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2564> (05.11.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2564
9. Захаров В. Н. Является ли «христианский» всего лишь профессиональным признаком? Полемиические возражения К. А. Степаняну // Достоевский и современность: мат-лы XXII Междунар. Старорусских чтений 2007 года. Великий Новгород, 2008. С. 321–333.
10. Иванов А. В. Руководство к изучению книг Священного Писания Нового Завета. СПб.: Воскресение, 2008. 911 с.
11. Игнатий (Брянчанинов), святитель. О необходимости Собора для Российской Православной Церкви. Записки епископа Игнатия Брянчанинова (1862–1866 гг.) [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-pravoslavnoj-tserkvi-grabbe/17_2 (05.11.2022).
12. Иларион Киевский, митр. Слово о Законе и Благодати // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 26–61.
13. Иустин (Попович), преподобный. Философские пропасти. 2-е изд., испр. М.: Издат. совет РПЦ, 2005. 288 с.
14. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Издатель Д. В. Харченко, 2007. 312 с.
15. Касаткина Т. А. Богословие Достоевского: описание изнутри // Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 157–246.
16. Коняев Н. М. Православный реализм — литература будущего: доклад, прочитанный 05.04.2006 на X Всемирном Русском Народном Соборе, посвященном теме «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке» //

- Образовательный портал «Слово»: История [Электронный ресурс]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/35111.php> (05.11.2022).
17. Лихачев Д. С. Литература Древней Руси // Изборник: повести Древней Руси. М.: Худож. лит., 1986. С. 3–23.
  18. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
  19. Сараскина Л. И. Христос Достоевского в 1854 году. Исторический контекст // Достоевский и мировая культура: альманах. М., 2007. № 22. С. 85–111.
  20. Сараскина Л. И. «Достоевский жил с нами все это время...» // Фудель С. И. Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2016. С. 3–42.
  21. Соловьев Вс. С. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 197–230.
  22. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 400 с.
  23. Фудель С. И. Наследство Достоевского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2016. 340 с.
  24. Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека. Калуга: Калуж. обл. ин-т усоверш. учит., 1995. 341 с.

References

1. Avanesyan I. B. Problems of Spiritual Realism Study as Artistic Method in Modern Literary Criticism. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*. Tambov, Gramota Publ., 2013, no. 2 (20), pp. 13–15. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2013/2/1.html> (accessed on November 5, 2022). (In Russ.)
2. Alekseev A. A. The Problem of Spiritual Realism in Russian Classical Literature of the 19th Century. In: *Dergachevskie chteniya — 98. Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, 14–16 oktyabrya 1998 g. [Dergachev Readings — 98. Russian Literature: National Development and Regional Features: Proceedings of the International Scientific Conference, Ekaterinburg, October 14–16, 1998]*. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 1998, pp. 22–24. (In Russ.)
3. Antony (Khrapovitskiy), archbishop. *Izbrannye trudy. Pis'ma. Materialy [Selected Works. Letters. Materials]*. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities Publ., 2007. 1056 p. (In Russ.)
4. Berdyayev N. *Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's Worldview]*. Moscow, Zakharov Publ., 2001. 173 p. (In Russ.)
5. Vetlovskaya V. E. *Analiz epicheskogo proizvedeniya: problemy poetiki [Analysis of an Epic Work: Problems of Poetics]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 213 p. (In Russ.)

6. Esaulov I. A. Christian Realism as an Artistic Principle of Russian Classical Literature. In: *Fenomen russkoy dukhovnosti: slovesnost', istoriya, kul'tura: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [A Phenomenon of Russian Spirituality: Literature, History, Culture: Proceedings of the International Scientific Conference]. Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University Publ., 2007, pp. 9–19. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 5–20. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (accessed on November 5, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511 (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Debating Substantial Issues. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 5–16. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2564> (accessed on November 5, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2564 (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Is “Christian” Just a Confessional Sign? Polemic Objections to K. A. Stepanyan. In: *Materialy XXII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2007 goda* [Proceedings of the 22th International Readings in Old Russian Culture, 2007]. Veliky Novgorod, 2008, pp. 321–333. (In Russ.)
10. Ivanov A. V. *Rukovodstvo k izucheniyu knig Svyashchennogo Pisaniya Novogo Zaveta* [The Guide for Researching the Holy Scripture of the New Testament]. St. Petersburg, 2008. 911 p. (In Russ.)
11. Ignat'y (Bryanchaninov), Saint. *O neobkhodimosti Sobora dlya Rossiyskoy Pravoslavnoy Tserkvi. Zapiski episkopa Ignatiya Bryanchaninova (1862–1866 gg.)* [On the Need for a Council for the Russian Orthodox Church. Notes of Bishop Ignatius Brianchaninov (1862–1866)]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-pravoslavnoj-tserkvi-grabbe/17_2 (accessed on November 5, 2022). (In Russ.)
12. Ilarion Kievskiy, Metropolitan. The Word on Law and Grace. In: *Biblioteka literaturny Drevney Rusi: v 20 tomakh* [Library of Literature of Ancient Rus': in 20 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1, pp. 26–61. (In Russ.)
13. Iustin (Popovich), Venerable. *Filosofskie propasti* [Philosophic Abysses]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church Publ., 2005. 288 p. (In Russ.)
14. Iustin (Popovich), Venerable. *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [Philosophy and Religion of F. M. Dostoevsky]. Minsk, Izdatel' D. V. Kharchenko Publ., 2007. 312 p. (In Russ.)
15. Kasatkina T. A. Dostoevsky's Theology: a Description from the Inside. In: *Bogoslovie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Theology]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 157–246. (In Russ.)
16. Konyaev N. M. Orthodox Realism is the Literature of the Future: a Report Read on April 5, 2006 at the 10th World Russian People's Council, Dedicated to the Topic “Faith. Human. Earth. Mission of Russia in the 21st Century”. In: *Obrazovatel'nyy portal “Slovo”: Istorija* [Educational Portal

- “Slovo”: *History*]. Available at: <https://www.portal-slovo.ru/history/35111.php> (accessed on November 5, 2022). (In Russ.)
17. Likhachev D. S. Literature of Ancient Rus'. In: *Izbornik: Povesti Drevney Rusi [Izbornik: The Short Novels (Povesti) of Ancient Rus']*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, p. 3–23. (In Russ.)
  18. Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zaytsev, I. S. Shmelev [Spiritual Realism in Russian Literature Abroad: Boris Zaitsev, Ivan Shmelev]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 272 p. (In Russ.)
  19. Saraskina L. I. The Christ of Dostoevsky in 1854. Historical Context. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. Moscow, 2007, no. 22, pp. 85–111. (In Russ.)
  20. Saraskina L. I. “Dostoevsky Lived with us All this Time...”. In: *Fudel' S. I. Nasledstvo Dostoevskogo [Fudel S. I. Dostoevsky's Legacy]*. Moscow, Russkiy put' Publ., 2016, pp. 3–42. (In Russ.)
  21. Solov'ev Vs. S. Memories of F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh [Dostoevsky F. M. in the Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2, pp. 197–230. (In Russ.)
  22. Stepanyan K. A. *Yavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo [Appearance and Dialogue in the Novels of F. M. Dostoevsky]*. St. Petersburg, Kruga Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)
  23. Fudel' S. I. *Nasledstvo Dostoevskogo [Dostoevsky's Legacy]*. Moscow, Russkiy put' Publ., 2016. 340 p. (In Russ.)
  24. Chernikov A. P. *Proza I. S. Shmeleva: kontseptsiya mira i cheloveka [Prose of I. S. Shmelev: the Concept of the World and Man]*. Kaluga, Kaluzhskiy oblastnoy institut usovershenstvovaniya uchiteley Publ., 1995. 341 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сыромятников Олег Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ул. Букирева, 15, г. Пермь, Российская Федерация, 614990); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>; e-mail: pani_perm@list.ru.

Oleg I. Syromiatnikov, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Literature, Perm State National Research University (ul. Bukireva 15, Perm, 614990, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>; e-mail: pani_perm@list.ru.

Поступила в редакцию / Received 11.11.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.01.2023

Принята к публикации / Accepted 25.01.2023

Дата публикации / Date of publication 14.02.2023